

«Металльский» смутьян

➤ Самому «громкому» журналисту нашей редакции исполнилось 65

ОН ПРИНАДЛЕЖИТ к той категории мужчин, перед которыми, в каком бы возрасте ни был, женщины подтягиваются, желая понравиться. Он обходителен, умеет делать комплименты и ухаживать – но вовсе не это в нем главное.

Он – сын магнитогорской поэтессы, ставшей классиком, Нины Кондратовской, но об этом уже мало кто помнит – у него свое громкое имя. Юрий Балабанов – известный в городе смутьян: его острые, обличительные материалы, опубликованные в «Магнитогорском металле», не раз становились объектом разбирательств в судах.

– Я с молодости занимаюсь острыми темами, – признается Юрий Борисович. – А как еще писать, если я влезаю в шкуры людей, которые пишут в редакцию? Помню, летом 74-го пришло письмо с комбината от машинистов кранов отделения раздевания слитков. Работа грязная, горячая, жалуются – не работают кондиционеры. Решил влезть в их шкуру, почувствовать и боль, и злость. С боем пробился на одно раздевание – это кошмар! Залез туда в белой рубашечке, весь из себя ухоженный, а вылез как негр – только белки глаз светятся. Так что потом разговаривал с начальством другим языком, когда они мне лапшу на уши пытались вешать. Написал материл – был резонанс, кондиционеры сразу начали переделывать. У меня в то время ведущая тема была – соцсоревнование, писал о формализме, о том, как планы на самом деле выполняют...

Его мама тоже работала в газете «Магнитогорский металл»: и корреспондентом, и ответсекретарем, потом возглавляла городское литературное объединение... Журналистом стала и старшая сестра Юрия Балабанова – Татьяна Сержантова. Поэтому первые свои заметки сам Юра начал писать еще в 14 лет. Правда, тогда он писал о культуре, поскольку учился в музыкальном училище. Он его так и не окончил – дважды бросал, зато успел поработать учителем пения в школе. И стихи писал – говорит, даже очень неплохие получались. Но в поэты тоже не пошел.

– У мамы было хорошее правило, которому она и нас научила: если можешь – не пиши. Поэтом может быть только тот, у кого руки, что называется, чешутся – сил нет, так тянет к этому. У меня такого зуда не было. Да и в редакции газеты, где я, что называется, еще под стол ходил, висел небольшой плакатик с японской пословицей: прежде чем что-то написать, посмотри, как красив чистый лист бумаги.

Журналистом он стал поздно – в 27 лет. Почему так поздно? Таков характер: делал всегда

только то, что хотел. Пошел в армию – служил в подмосковном Орехово-Зуево, где, собственно, и познакомился с будущей супругой – в этом году 44 года, как чета Балабановых живет в законном браке. А тогда пришлось на время расстаться – отслуживший Юра вернулся в Магнитогорск сниматься с воинского учета. Снялся, собрался к невесте – а билетов нет. А через день – свадьба. Написался в грузовой самолет, полз по летному полю, толкая чемодан перед собой. Словом, молодые поженились и приехали жить на родину мужа – в Магнитогорск. Спрашиваю: не жалеет супруга, что уехала из Подмосковья?

– Наоборот, она мне благодарна – вслед за мной и институт окончила. Более того, потом и теща в Магнитку переехала и тоже нисколько не жалеет.

У его мамы была тщательно подобранная библиотека, выписывались и читались все литературные журналы. Нина Георгиевна работала с ними, вынося на поля свои мысли. Она даже словари

«дописывала»: нет какого-то слова – берет карандаш и вписывает его в словарь сама. Юрий Балабанов тоже много читал и даже в армии был обложен книгами. Кем только ни поработал: учителем музыки, помощником художника в кинотеатре, термистом, токарем, аппаратчиком в цехе переработки смол на коксохиме, на бульдозере, экскаваторе... Несколько раз пытался поступить в институт, но – не брали, хотя экзамены сдавал на пятерки. Потом уже мать узнала, в чем дело: по негласному правилу на заочное брали только тех, кто работал по специальности – а работнику комбината, мол, педагогическое образование ни к чему. И все же он поступил. А после первого курса пришел в «Магнитогорский металл».

– Эти пять лет считаю самыми плодотворными в плане творческого роста, – вспоминает Юрий Борисович. – Была самостоятельность в темах, в их разработке... Как-то сразу «сел» на конька обличительности, писал об идиотизме, который царствовал в те годы.

– И что: разве цензура по «кумполу» не давала?

– Может, и давала, но главному редактору – он нас берег, так что мы об этом не знали. Да и начальники цехов тогда очень уважительно относились к журналистам, мы приходили к ним как друзья. В те годы в Магнитке была потрясающая журналистская атмосфера: мы все дружили между собой, вместе выезжали на рейды по комбинату, помогали друг другу...

Имена мастодонтов магнитогорской журналистики из его уст вырываются легко. Собственно, для него даже Борис Ручьев просто дядя Боря.

Когда Ручьев вернулся в Магнитогорск из Средней Азии, первым, кто встретил его в городе, был именно Балабанов. Мама, уходя в тот день на работу, предупредила: как придет – сразу беги ко мне, а он пусть тут ждет. И вот – стук в дверь, на пороге улыбается мужик в фуфайке, кирзовых сапогах и с невероятно красивой резной тростью. В их доме вообще перебивала вся городская богема, и в

лицах для Балабанова она так навсегда и осталась как «дядя Боря», «дядя Витя»...

Но вернемся к карьере. Через пять лет работы в «Металле» талантливого журналиста пригласили работать в «Магнитогорский рабочий». Перейти из на то время заводской многотиражки в настоящую городскую газету считалось невероятным карьерным ростом. Многие годы отданы «рабочему» – там он тоже довольно скоро стал заведомом. Были также две постоянных рубрики на телевидении – о комбинате и безопасности дорожного движения. Имя Балабанова знали, его уважали и даже побаивались.

– Вообще, в те годы вес журналистского слова был несоизмеримо выше, чем сегодня, – утверждает Балабанов. – Если о чем-то написали в газете, это событие вызывало общественный резонанс, за ним следили, потом была рубрика: газета написала – что сделано. Мои материалы и с должностей снимали, и даже в тюрьму сажали. А бывало, что, наоборот, вытаскивали из-за решеток. Двум парням-домешникам дали восемь

лет за грабеж, который они не совершали – и мы с адвокатом развернули активную деятельность, и пацанов выпустили после

двух лет отсидки. А теперь меня часто спрашивают: ну, написали вы – а что толку? Вот, к примеру, те же водосчетчики: ты тратишь воду по счетчику, а платишь больше, поскольку перерасход по дому вешают именно на владельцев счетчиков. Написали – а толку нет, потому что это надо решать на уровне законов. И все равно, я считаю, надо писать. Хотя бы для того, чтобы показать тем самым чиновникам, что люди не идиоты – они все понимают, видят и ждут чиновничьей работы и ее результата.

Словом, работы ему хватало всегда, в семье к тому времени было уже трое детей – вслед за Ольгой жена подарила Юрию Балабанову девочек-двойняшек. Нина Кондратовская души во внучках не чаяла – да и девочки обожали бабу Нину.

– Мама у меня всегда вела активный образ жизни, – улыбается Юрий Борисович. – Дом всегда был на втором месте, в нем царила творческая атмосфера, начиная с творческого беспорядка и заканчивая гостями, так что мы получились детьми улицы. А вот с внучками она тетехалась больше, чем мы сами. Недаром же говорят, что внуки – это и есть наши дети, потому что детей на бабушек с дедушками «кидаем».

– Для вас журналистика – это ремесло или творчество?

– Творчество: с самого начала и по сей день. Даже если тема неинтересная – пресс-

конференция, к примеру, стараюсь что-то этакое привнести, чтобы самому интереснее работалось. И тогда уже пишу в удовольствие – само собой все выливается в строчки. А вообще, мне повезло – мне моя работа дается очень легко. Я страх перед бумагой испытывал, может, первые две недели в профессии – потом чувствовал себя всегда уверенно.

– Какой свой материал считаете наибольшей творческой удачей?

– Знаешь, я никогда не участвовал в конкурсе – ни в одном. Во-первых, потому что считаю это обычной повседневной работой, а во-вторых, мне неловко посылать свои материалы, писать какую-то сопроводилку, мол, я вот такой весь хороший и материалы мои такие хорошие... Мне важно, что они людям помогают. А на твой вопрос о наибольшей удаче отвечу так: самое драгоценное мое творение – мои дети. Дочери уже выросли, состоялись в профессии. Все трое окончили МаГУ. Ольга – корреспондент в «МР», Евгения – художник, работает в Челябинске, Ксения – социальный педагог. Те-

перь уже внуки на крыло становятся: внучка Анна окончила инфак МаГУ, была на стажировке в Америке, работает в частной школе, внук Илья в этом году в МГТУ поступил... Младший внук – пятилетний Мирон – это еще и продолжение моей фамилии, единственный Балабанов после меня...

– Я почему-то всегда считала, что семья для вас даже не на втором месте, настолько вы всегда в работе, в обществе...

– (Улыбается.) Так ведь это тоже благодаря семье. Моя Валентина – это мой тыл, моя стена. И за многое, чего я в жизни достиг, должен сказать спасибо именно ей.

– Еще один стереотип: что мужчины интеллигентных профессий ничего руками делать не умеют – что называется, тяжелее ручки в руках ничего не держали.

– Это не про меня: я и в саду все сам делаю, и в доме. Еще в «Магнитогорском рабочем» все говорили: к Балабанову как ни зайдешь – он то ли будильник чинит, то в диктофоне ковыряется, то нож точит. Так что руки у меня из правильного места растут: лудим-паям – ЭВМ починаю, как говорится. И компьютер у меня почти у первого в редакции появился, так что с техникой тоже дружу.

– Вы вообще чувствуете, что вам 65?

– В том-то и дело, что нет. Я вообще не принадлежу к людям, считающим года богатством. Сейчас бы лет 20–30 скинуть – эх, я бы наворочал еще... ☺

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ